

В.В. ВОЛЬЧИК, д.э.н., профессор,
Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону, РФ

ВОЗМОЖНОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

I

Институциональные изменения в экономике уже много лет являются важным предметом исследования экономистов различных теоретических направлений. Большинство исследований институциональных изменений осуществляются в русле неинституционализма или новой институциональной экономики. Однако использование эвристического потенциала традиционного институционализма может обогатить современные теории институциональных изменений.

Институционализм как важное научное направление за последние двадцать лет значительно укрепил свои позиции. Это обусловлено:

1) Развитием неинституциональной или новой институциональной экономической Теории, которая стала важнейшим направлением эволюции современной неоклассической экономической теории.

2) Необходимостью осмысления радикальных институциональных трансформаций в хозяйственных порядках постсоциалистических стран, а также значительным ускорением темпа институциональных изменений в большинстве национальных экономик.

3) Возросшим значением неортодоксальных экономических теорий, которые все больше определяют развитие перспективных научных направлений в современной экономической теории. Старый или традиционный институционализм (Old (original) institutional economics) наряду с посткейнсианством и австрийской школой, которые являются неортодоксальными школами, генерирует теории, дающие релевантное объяснение современным институциональным трансформациям и процессам глобализации в постиндустриальном обществе.

В рамках новой институциональной экономической теории подчёркивающая роль институтов как ограничений при осуществлении тех или иных экономических действий. Новая институциональная экономика также всё ещё сосредоточена на определении институтов как ограничений, в то время как главная особенность старой институциональной экономики заключается в моделировании институтов как определяющего фактора познавательной спо-

собности агента¹. Ходжсон таким же образом доказывает, что определяющей чертой новой институциональной экономики является то, что институты действуют на поведение заданных индивидуумов в основном как ограничения². Также у неинституционалистов господствует точка зрения, согласно которой институты являются результатом выбора индивидуумов и, соответственно, не могут обуславливать индивидуальный выбор³.

Институты имеют, прежде всего, информационную природу. Благодаря им индивиды не только получают информацию о санкционированных и запрещенных видах действий, но также формируют свои поведенческие и познавательные модели, определяющие человеческие действия.

При исследовании современных процессов институциональных изменений большую пользу может оказать обращение к теоретическому наследию традиционного институционализма. В рамках данной статьи из множества концепций традиционного институционализма для объяснения институциональных изменений используются исследовательские инструменты теории коллективных действий Дж. Коммонса (элементы которой получили отражение в работах М. Олсона⁴) и дихотомии Веблена.

II

Для формирования современной эффективной экономики необходимо модернизация старых институтов и создание новых. Эволюция институтов тесно связана с механизмами регулирования, которые могут включать меры

¹ Khalil, E. "Organizations versus Institutions // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1995. Vol. 151, No 3 pp. 445-66.

² Боле подробно См.: Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. – М., 2003. Hodgson G. M. The Approach of Institutional Economics // Journal of Economic Literature, 1998, Vol 36. No 1. pp 166-192.

³ Dequech D. The demarcation between the "old" and the "new" institutional economics: Recent complications // Journal of Economic Issues, Jun 2002, Vol. 36, No 2, p.567.

⁴ Хотя М. Олсон является представителем скорее теории общественного выбора, которая конвергентна с неоклассикой, в его работах и прежде всего «Логике коллективных действий» заметно влияние идей Дж. Коммонса.

государственной экономической политики, а также действия организаций и групп специальных интересов. Поэтому при анализе современных институциональных изменений могут быть полезными концепции дихотомии Веблена и институциональной инерции.

Институты традиционно трактуются экономистами как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми⁵. Далее мы будем придерживаться этого понимания институтов. Наряду с институтами значительное влияние на экономическое развитие оказывают механизмы регулирования. Механизмы регулирования представляют собой класс властных связей и отношений, возникающих в результате организации хозяйственных процессов в рамках государственных и корпоративных структур и иных организаций.

Для постиндустриальной экономики характерен феномен, который еще в прошлом веке, правда, в ином контексте, описал Т. Веблен. Впоследствии этот феномен получил названия дихотомии Веблена (иногда в литературе встречается термин «дихотомия Веблена-Эйрса», подчеркивающий вклад Кларенса Эйрса в исследование данной проблемы). Обычно дихотомию Веблена связывают с противоречиями, возникающими в ходе социальных изменений между прогрессивными технологиями и тормозящими развитие институтами. Традиционно проблематика дихотомии Веблена составляет ядро теоретической проблематики старого институционализма⁶.

Веблен неоднократно в своих работах⁷ отмечал, что современные для его времени институты являются результатом и отражением прошлого развития и функционирования хозяйственных процессов и деятельности индивидов и организаций. Дихотомия Веблена позволяет нам сконцентрироваться на одной важной особенности экономического развития общества. Эта особенность может быть охарактеризована как асинхронность эволюции механизмов организации, управления производством и инструментов государственного регулирования, с одной стороны, и правил, институ-

тов и институциональных соглашений, с другой.

Противоречия между организационными формами и стабильными правилами и механизмами инфорсменты, т.е. институтами, заключается в асинхронности темпов их изменений. В эпоху промышленной революции данный феномен был проанализирован Торстейном Вебленом как дихотомия между индустрией и бизнесом⁸. В дихотомии Веблена институты бизнеса, ориентированного на получение прибыли, представляют регрессивную силу. Напротив, промышленность, движимая инженерами в соответствии с техническим прогрессом и инстинктами мастерства, является прогрессивной силой. Мы не будем детально анализировать то факт, прав ли был Т. Веблен, который разрабатывал свою теорию в конце XIX – начале XX века. Важно то, что Веблен указал на противоречие между инертными, медленно изменяющимися институтами и более динамичными технологическими изменениями и требованиями технологической и экономической политики.

Обычно внедрение новых технологий рассматривается как эволюционный процесс, причем критериями отбора называются снижение энтропии системы, а также увеличение количества энергии и информации⁹. В экономической эволюции мы можем обозначить три центральных понятия: источники многообразия, выбор окружающей среды и механизм передачи¹⁰. Данный абстрактный взгляд на динамичное развитие технологического выбора, обычно не уделяет должного внимания таким факторам, как социальные нормы, рыночная власть и государственная политика¹¹. Однако, влияние рыночных сил и институтов на динамику технологических изменений существенно. Более того, именно формирование институциональных условий многими исследователями связывается с самой возможностью разработки и внедрения новых технологий¹².

⁸ См. Веблен Т. Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007.

⁹ Weinel, Ivan, and Philip D. Crossland. The Scientific Foundations of Technological Progress // Journal of Economic Issues Vol. 23, No. 3 (September 1989): pp. 795-808.

¹⁰ Nooteboom B. Innovation, learning and industrial organization // Cambridge Journal of Economics 1999, Vol. 23, p. 129

¹¹ Wisman, Jon D., Smith, James F. American Institutionalism on Technological Change // Journal of Economic Issues; 1999, Vol. 33 No. 4, pp. 887-902.

¹² Розенберг Н., Бирдцел-мл. Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. – Новосибирск, 1995.

⁵ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESES. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 73.

⁶ Wisman, Jon D., Smith, James F. American Institutionalism on Technological Change // Journal of Economic Issues; 1999, Vol. 33 No. 4, p.887-902.

⁷ См., например, Веблен Т. Теория праздного класса. М.: «Прогресс», 1984., Веблен Т. Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007.

Институты, предписывая или запрещая определенные действия и (или) взаимодействия экономических акторов, формируют предпосылки для долгосрочных и повторяющихся отношений и трансакций. Институты создают набор возможных вариантов социального действия, что делает действия индивидов предсказуемыми и, следовательно, снижает вероятность деформации или разрушения социальной системы. Социальные изменения являются важным фактором прогресса общества. И здесь мы опять сталкиваемся с фундаментальной дихотомией между институтами с присущей им инерцией и постоянством и необходимостью формирования новых структур управления и технологий. Институты и механизмы управления (впрочем, как и технологии), на наш взгляд, должны рассматриваться независимо от прогрессивной или регрессивной роли, которую они выполняют в тот или иной момент развития общества. В дихотомии Веблена именно прогрессивная роль технотехнологии и регрессивная – капиталистических институтов сокращает объяснительную силу этой теории по отношению к эволюционным институциональным изменениям.

Асинхронность развития технологий и механизмов регулирования является причиной значимой дихотомии, определяющей закономерности развития того или иного хозяйственного порядка. На первый взгляд существующие институты представляют инертную силу, сдерживающую поступательное и прогрессивное развитие технологий, глобальных рынков и реализации проектов модернизаций. Однако это не так. Степень асинхронности между технологиями и механизмами регулирования с одной стороны, и институтами – с другой, влияет на устойчивость хозяйственного порядка. Высокая степень асинхронности может привести к разрушению экономики и кризису, соответствующему моменту радикальной институциональной трансформации в модели бутылочного горлышка в эволюции институтов¹³. Таким образом, дихотомия Веблена может рассматриваться как частный случай асинхронной эволюции институтов и технологий. Причем представляется правильным не делать каких-либо оценочных суждения относительно прогрессивности технологий и технотехнологии с одной стороны, и институтов, с другой.

Ключом к пониманию влияния асин-

¹³ Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005. – С. 185-204.

хронности развития на эволюцию институциональной структуры хозяйственного порядка служит анализ действий групп специальных интересов¹⁴, т.к. именно концепция дихотомии Веблена ставит исследование власти в центре повестки дня экономической теории¹⁵. Некомпетентные государственные разработчики неэффективных мер регулирования нанесут меньший урон экономике, если институциональная структура содержит сильные рыночные и демократические институты¹⁶.

История дает нам пример непрерывного взаимодействия двух сил: динамической силы технологий, которая способствует изменениям и статической силы официальных статусов и традиций, которые препятствуют изменениям¹⁷. Лица и группы, внедряющие новые технологии, сталкиваются с сопротивлением экономических агентов, которые заинтересованы в сохранении старых технологий. Такое сопротивление может приобретать значительные масштабы, например, движение луддитов. Интересно, что значимость и сила движения луддитов различалась в зависимости от институтов и хозяйственной культуры в различных регионах Англии¹⁸. Таким образом, именно степень несоответствия новых организационных форм хозяйственной культуре и институтам определяет степень реакции основных акторов. Более того, асинхронность между внедрением технологий, организационных механизмов и институтов в современном мире, может, приводит к возникновению феномена нео-луддитов¹⁹. И хотя результаты деятельности нео-луддитов вряд ли остановят технический прогресс, но они могут создать значительные трудности в случае медленных или неадекватных институциональных изменений. Более того, формирую-

¹⁴ Вольчик В.В., Бережной И.В. Группы интересов и качество экономических институтов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5, №2.

¹⁵ Atkinson G. Views on Economic Order and Evolution // Journal of Economic Issues, 1995. Vol. 29, No 4, 1231-1240. (Dec95).

¹⁶ Это утверждение в целом согласуется с моделью предложенной Г.В. Егоровым и К.И. Сониним. См.: Егоров Г.В., Сонин К.И. Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности // Общественные науки и современность. 2008, № 2. С. 36-51.

¹⁷ Ayres, Clarence E. The Theory of Economic Progress. 3d ed. Kalamazoo, Mich.: New Issues Press, 1978. p. 176.

¹⁸ Randali A. Before the Luddites: Custom, Community and Machinery in the English Woollen Industry, 1776-1809. New York: Cambridge University Press, 1991.

¹⁹ Frobish, Todd S. Neo-Luddites and Their Rhetorical Paradox // Peace Review, Jun 2002, Vol. 14 Issue 2, p207-215.

щиеся вслед за внедрением новых технологий механизмы регулирования требуют дополнительных исследований проблемы монополии в высокотехнологичных отраслях²⁰.

Если обратиться к временам промышленной революции конца XVIII-XIX вв. то можно наблюдать пример асинхронного развития технологий и методов организации производства и хозяйственных институтов. Неслучайно многие современники отрицательно относились к «промышленной революции» и сам термин для большинства людей имел негативный оттенок²¹.

Технологические изменения будут тем быстрее, чем более новой и менее регулируемой является отрасль их внедрения. Например, во времена промышленной революции в Англии хлопчатобумажное производство было новой отраслью; оно в меньшей степени, чем другие отрасли, регулировалось законодательством, цеховыми правилами и традиционной практикой, которые препятствовали технологическим изменениям, в отличие от шерстяного и льняного производства, где развитие этих отраслей сдерживалось традицией и регулированием²².

В контексте модели асинхронной эволюции механизмов регулирования и институтов можно дать объяснение «парадоксу демократии» Энтони Гидденса. Согласно его концепции: «Парадокс демократии заключается в том, что пока она распространяется по всему миру, в зрелых демократических государствах, которые остальной мир должен как, казалось бы, брать за образец, растет разочарование в демократических процессах»²³. Разочарование в политиках это отражение в первую очередь недовольства и неприятия тех механизмов реализации политики государств (в том числе и экономической), которые не согласуются с существующими институтами. Но в той же работе Гидденс отмечает, что согласно социологическим опросам, проводившимся в США и крупнейших странах Запада, более 90% населения заявили об одобрительном отношении к демократической форме правления. Также опросы показывают, что население развитых стран не теряет интереса к политике и с доверием относится к основ-

ным демократическим институтам²⁴.

В зависимости от степени асинхронности изменений мы можем делать выводы только об устойчивости и темпах изменений того или иного экономического порядка. Возможна ситуация, когда развитие институтов обгоняет темпы формирования новой технотрактуры. В таком случае процесс институциональных изменений будет важным фактором заимствования или интенсификации научных исследований и изобретений для нужд промышленности и торговли.

Асинхронность изменений институтов, с одной стороны, и технологий, механизмов управления и регулирования, с другой, также иллюстрируют феномен институциональной инерции. Как отмечал О. Уильямсон²⁵ самому верхнему уровню институциональной иерархии – «социальной включенности», к которому он относит обычаи, нравы, традиции, религию – присуща наибольшая инерционность. Этот верхний уровень иерархии определяет долгосрочные тенденции эволюции социального порядка. Необходимо учитывать, что чем дальше будет развиваться реформируемая институциональная система, тем более инертной она будет становиться. И не последнюю роль здесь будут играть группы специальных интересов, которые в большинстве длительно стабильных обществ являются причиной социального склероза²⁶.

Применение эволюционного подхода к анализу экономических трансформаций позволяет получить вывод о том, что поведенческие модели основных хозяйствующих субъектов не могут быть изменены за короткий промежуток времени в связи с действием эффекта институциональной инерции. При анализе институциональных изменений в экономике необходимо учитывать влияние институционального «генотипа» предшествующего экономического порядка. Институциональный генотип отражается, прежде всего, в существовании устойчивых неформальных правил, обычаев, традиций, которые, в первую очередь, формируют стереотипы экономического поведения и в целом экономическую культуру. Такое воздействие представляет собой культурную национальную традицию. Именно включенность в сферу дейст-

²⁰ Ellison, Glenn; Fudenberg, Drew. The neo-Luddite's lament: excessive upgrades in the software industry // RAND Journal of Economics, Summer 2000, Vol. 31 Issue 2, pp. 253-272.

²¹ Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 206.

²² Камерон Р. Указ. соч. с. 218-221.

²³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – С. 85-86.

²⁴ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 87-88.

²⁵ Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. Ser., 2000. V. 38. № 3. pp. 595-613.

²⁶ Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // Экономика и математические методы. – 1995. – Вып. 4.

вия того или иного правила и института групп, как с узкими, так и всеохватывающими интересами²⁷ создает условия для функционирования в рамках социального порядка таких правил и институтов.

Формирование рынков связано в первую очередь с процессом эволюции правил и институтов, которые задают рамки действий обменивающихся хозяйствующих субъектов²⁸. Однако данный процесс может быть очень длительным или сложным, связанным с созданием институциональной структуры рынков со специфическими обмениваемыми правами собственности. Например, такими рынками можно считать современные финансовые рынки.

Институциональная инерция также является защитной реакцией системы на разрушающие ее институциональные и технологические инновации²⁹. Если бы все инновации удавалось внедрить, то система просто не смогла бы нормально функционировать в том случае, когда внедряемые институты и технологии противоречат друг другу.

Необходимо учитывать, что институты не только задают предпочтения, но также задают структуру стимулов, которые, в свою очередь, могут оказывать влияние на выбор экономических агентов³⁰. Поэтому исследуя различные экономические порядки и типы экономического развития, необходимо исследовать, прежде всего, имеющиеся институты, а также исторические закономерности их эволюции.

Некоторые социальные институты демонстрируют разную экономическую эффективность в зависимости от того, в каких исторических и временных рамках они рассматриваются. Важной иллюстрацией могут служить исторические факты о роли института семьи в различных культурах. Например, широкая научная дискуссия относительно роли китайской семьи как агента своеобразного и производительного семейного капитализма в китайском

мире³¹. В обзоре Уайта по данной проблеме содержатся два противоположных взгляда на экономическую роль китайской семьи³². Роль института китайской семьи эволюционировала от однозначно регрессивного, стоящего на пути экономического прогресса, к прогрессивному институту, на котором основаны современные семейные деловые предприятия на Тайване и Гонконге³³.

Признание инерционности изменений институтов и поведенческих образцов требует придания любым реформам генетического характера, что означает перенос акцента с желаемого конечного результата на действительно существующее наследие прошлого³⁴. Следовательно, система может быть замкнута на своем неэффективном прошлом институциональном багаже. И если изменения в рыночных и административных механизмах регулирования уйдут в сторону, то вероятность негативных последствий институциональной инерции увеличивается.

III

Согласно концепции одного из самых известных представителей традиционного институционализма Джона Коммонса, природа институтов связана прежде всего с коллективными действиями. Коммонс отмечал, что поскольку экономически блага ограничены, их приобретение регулируется коллективным действием. Коллективное действие создает права и обязанности в отношении собственности и свобод, без которых в обществе царил бы анархия. Институциональная экономика дает коллективному действию собственное место в разрешении конфликтов и сохранении порядка в мире ограниченных ресурсов и частной собственности и противоречий³⁵. Центральное место в институциональной экономике Дж. Коммонса отводится властным структурам и группам влияния, которые своими действиями формируют институциональное окружение.

Согласно Коммонсу, помимо поддержания порядка и разрешения конфликтов власт-

²⁷ Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. V. 85. № 2. Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association Washington, DC, January 6–8, 1995.

²⁸ Hodgson Geoffrey M. Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? // Evolutionary and Institutional Economics Review. 2007. Vol. 4. No. 1. pp.7 – 25.

²⁹ Mokyr J. Technological Inertia in Economic History // Journal of Economic History, Vol. 52, No. 2. (Jun., 1992), pp. 325-338.

³⁰ Schmid Allan A. Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. p. 2.

³¹ Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 166.

³² White M.K. The Chinese Family and Economic Development: Obstacle or Engine? // Economic Development and Cultural Change. 1996. Vol. 45. No. 1. pp. 1-30.

³³ Лал Д. Указ. соч.

³⁴ Олейник А.Н. Институциональные ловушки постприватизационного периода в России // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 81.

³⁵ Commons J. Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, 1990. p. 7.

ные структуры должны использовать действующие нормы (*working rules*) для поощрения кооперации в производстве и обмене, а также в решении множества серьезных проблем, возникших вследствие погони за собственной выгодой в результате экономических взаимодействий. Эти функции не возникают автоматически согласно «системе естественных свобод» Смита, но должны порождаться соответствующими стимулами, созданными «видимой рукой государства», и приводиться в жизнь с помощью различных санкций, включая угрозу физического насилия³⁶.

Такое коллективное действие создает государственные структуры, которые формируют действующие нормы, направляющие индивидуальное действие. В то время как в руках государства сосредоточена основная власть в обществе, множество других групп и организаций (например, таких как торгово-промышленные палаты и объединения предпринимателей) также владеют долей независимости и, следовательно, создают и приводят в жизнь свои собственные работающие нормы и правила поведения.

Коммонс говорит об иерархии структур управления (*governance structure*), таких как предприятия бизнеса, профсоюзы, церковь и семья. Эти формальные организации, а также коллективно определяемый набор действующих правил в форме социальных норм, этических принципов и обычаев представляют собой институты – понятие, которое Коммонс определяет как «коллективное действие по ограничению, высвобождению и расширению индивидуального действия»³⁷.

Устранение конфликтов и обеспечение порядка требует, чтобы передача и использование прав собственности регулировались правилами и конвенциями, в которых прописаны понятия обмена, методы оплаты и обязанности сторон в процессе обмена. Поскольку институты представляют собой сеть действующих правил, определяющих права, обязанности, свободы и зону их действия, они оказывают влияние на контракты.

Наиболее важны два аспекта контракта. Первый состоит в необходимости пристального внимания к фундаментальной роли независимости и конфликта в экономической деятельности. Коммонс придает особое значе-

ние ограниченной рациональности, несовершенству информации и неопределенности будущего. В результате, контракты неизбежно становятся неполноценными, и люди прибегают к стратегическим соглашениям и оппортунистическому поведению. Все выше сказанное содержится в его «психологии ведения переговоров»; последнее подпадает под стандартный термин эгоизма, определяемого как «получение как можно большей выгоды и как можно меньшего ущерба... без особого внимания к интересам других людей... если нет какого-либо ограничения, которое невозможно преодолеть»³⁸. Конфликты, таким образом, неизбежны, и для их решения требуются законные суды и нейтральные третьи лица.

Второй ключевой аспект контракта – природа правовых отношений, которые он создает между сторонами. Ранее было отмечено, что Коммонс определяет права собственности, а не обмен физическими благами, в качестве основания институциональной экономики. Это приводит его к понятию транзакции, которое он описывает как фундаментальную единицу измерения в институциональной теории.

Согласно Коммонсу индивидуальные действия интегрированы в коллективные, а исходной единицей анализа были транзакции. Интернализация обычаев через привычки является центральным элементом в коллективных действиях, в то время как индивидуальные действия нужно контролировать. По Коммонсу институты строятся от неорганизованных традиций к организованному «общему целому». В терминах К. «общее целое» – «совместное ожидание» выгод от трех типов транзакций, которые осуществляются за счет «действующих норм (правил)» и посредством контроля меняющихся стратегических или ограничительных факторов, которые должны контролировать других. Через свои действующие нормы (*working rules*) общество контролирует индивидов. Эти правила меняются с изменением самих институтов. Каждый институт имеет свои правила, а правила различаются среди институтов. Правила возникают из решений о прекращении конфликтов³⁹.

Изменение институтов в рамках концепции Коммонса это прежде всего результат

³⁶ Commons J. Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, 1990.

³⁷ Commons John R. Institutional Economics // American Economic Review, Vol. 21 (1931), No. 4. p.651.

³⁸ Kaufman B.E. The organization of economic activity: insights from the institutional theory of John R. Commons // Journal of Economic Behavior & Organization. (2003). Vol. 52, No. 1 p. 75

³⁹ Forest J., Mehier C. John R. Commons and Herbert A. Simon on the concept of rationality // Journal of Economic Issues. Vol. 35, No.3 Sep 2001

адаптации через выбор наилучших институциональных альтернатив в результате коллективных действий. Принцип целенаправленного выбора подчеркивает роль принятия решений, тех, кто может выбирать и определять релевантные правила. Следовательно, индивиды через коллективные действия могут выбирать и определять правила для хозяйственных взаимодействий. Это связано с проблемой формирования правил и согласованности их с имеющейся институциональной структурой, устранения конфликтов и созданием новых возможностей для осуществления трансакций.

Дальнейшее развитие идей Коммонса отражено в работах прежде всего М. Олсона, который применил формальный аппарат неоклассики для анализа процесса оптимального производства коллективных благ, которыми могут являться и институты

Эволюция институтов в современном обществе также не может рассматриваться в отрыве от интересов индивидов и организаций, включенных в их действия. Интересы могут как совпадать со стимулами, правилами и ограничениями, задаваемыми институциональной структурой, так и противоречить им. Однако изменения *status quo* требует организованных действий по созданию и внедрению альтернативной институциональной инновации. Нельзя отрицать возможности спонтанной эволюции институтов, т.е. без целенаправленного действия групп специальных интересов. Однако такой вариант в краткосрочном и среднесрочном периодах представляется менее вероятным. Более того, если рассматривать эволюцию институтов не в гипотетическом обществе Робинзона Крузо и Пятницы, а в реалиях современных хозяйственных порядков, то действия по внедрению институциональных инноваций будут так или иначе связаны с действиями узких или всеохватывающих групп специальных интересов⁴⁰.

Такие группы могут существовать как в явном, так и неявном виде. Например, те или иные профсоюзы представляют конкретные группы специальных интересов, которые часто играют роль институциональных инноваторов. Однако внедренная институциональная инно-

вация может существовать в виде формального института довольно длительное время даже в том случае, если профсоюз, инициировавший ее принятие, перестает существовать. Но здесь мы сталкиваемся со случаем, когда формальная группа заменяется неформальной группой со всеохватывающими (или в отдельных случаях специальными) интересами, включенной в действие данного правила и механизмов информента, составляющих институт.

Модель коллективных действий групп специальных интересов М. Олсона является общей теорией (формальной и метатеоретической)⁴¹, которая может дать нам только концептуальные рамки (фреймы) или паттерны для принятия решений или исследовательских задач в условиях ограниченной рациональности.

Если в обществе не остается групп, заинтересованных в исполнении правил, содержащихся в институте (даже имеющего формальный характер), то такой институт перестает функционировать *de facto*, но существуя как неотменная норма *de jure*. Поэтому процесс эволюции институтов мы можем связать с процессом формирования и трансформации групп интересов.

Организационные структуры и механизмы регулирования также могут формироваться под воздействием как индивидуального, так и коллективного действия. Однако их формирование связано с целенаправленным поиском оптимальных (возможно в некоторых случаях удовлетворительных) механизмов властной координации. Здесь мы можем столкнуться с проблемой, когда цели и методы и механизмы регулирования вступают в противоречие с существующими институтами, которые сложились эволюционно. Это можно описать в рамках предлагаемой теоретической конструкции асинхронности развития институтов и механизмов регулирования и технологий.

Любое государство представляет сложную организацию, где достигается определенный баланс интересов основных влиятельных групп. Однако представление о государстве как об оседлом бандите⁴² тоже можно считать реалистичным. Только природа такого оседлого бандита представляется не индивидуальной, а коллективной. То есть группы могут (и долж-

⁴⁰ О действиях групп с узкими и всеохватывающими интересами см. подробнее: Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998., Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995., Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May, 1995. V. 85. № 2. Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association Washington, DC, January 6–8, 1995.

⁴¹ См. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. – М: Аспект Пресс, 1998. – С.245-248.

⁴² Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // Экономика и математические методы. – 1995. – Вып. 4.

ны) приходит к консенсусу по поводу сбора доходов (ренты, налогов) с подконтрольного населения, включенного в данный социальный порядок. Социальный порядок характеризуется стабильным набором институтов, которые формируют пространство возможностей во всех сферах общественной жизни.

При эволюционном анализе действия групп специальных интересов необходимо определить, что отбирается в процессе развития хозяйственного порядка. В рамках нашей концепции отбираются, т.е. возникают, прекращают свое существование, увеличивают или уменьшают количество участников группы интересов как с узкими, так и всеохватывающими интересами. Однако наиболее важным моментом является тот факт, что группы интересов рассматриваются как инноваторы, иницирующие создание институтов, а также поддерживают структуру социальных связей и стимулов, которые определяют порядок их функционирования.

Так как группа рассматривается через призму включенности действия тех или иных институтов, смена персонального членства в группе не оказывает сильного влияния на правила, рутины и институты, которые поддерживаются группой. Примером из российской истории можно служить хозяйственная и предпринимательская деятельность староверов, которые следовали определенным неформальным институтам, например, специфической хозяйственной этике⁴³.

Необходимо учитывать проблему длительного функционирования стабильных групп. В переходной экономике влияние групп специальных интересов на процесс создания институтов проявляется наиболее явно в коротком временном интервале. Однако *ex ante* очень трудно определить, как внедрение того или иного института отразится на экономической эффективности. Институты, внедряемые узкими группами специальных интересов, в целях перераспределения и для извлечения ренты с большей вероятностью будут менее эффективными, чем институты, внедряемые группами со всеохватывающими интересами.

Фундаментальной причиной неэффективности групп интересов как институциональных инноваторов является их длительная стабильность и несменяемость в рамках политической системы. После работ М. Олсона стал

⁴³ Бенам А., Бенам Л. Права собственности в переходной экономике: комментарии по поводу того, что знают экономисты // Экономическая наука современной России. –1999. – №3.

общепринятым тезис о том, что большие группы обеспечивают своих членов коллективным благом хуже, чем малые группы. Также большие группы являются менее стабильными. Поэтому, если проблема стабильности групп интересов или «социального склероза» может быть решена за счет гибкости политических институтов, то это дает шанс для общества с обилием групп специальных интересов на формирование и функционирование эффективных экономических и политических институтов⁴⁴. Но в традиционных и малоразвитых обществах, где большинство социальных общностей представляют первичные группы и религиозные общины, принцип «социального склероза», разрушения и сменяемости групп должен рассматриваться с учетом специфики таких социумов и их хозяйственных систем.

Следуя логике М. Олсона, основными причинами деволуции институциональной структуры богатой, развитой экономики являются действия групп специальных интересов в пораженном «социальным склерозом обществе» и, как следствие, выбор неадекватной экономической политики, которая, в конце концов, приводит к относительному и абсолютному замедлению экономического роста⁴⁵.

Группы специальных интересов постепенно формируют институциональную среду с более высокими характеристиками инертности и, следовательно, более устойчивой к внешним шокам институционального импорта. Однако такие группы неизбежно формируют предпосылки для формирования социального склероза, который, в свою очередь, неизбежно приводит к стагнации. Возникает вопрос: какие встроенные механизмы может сформировать общество для противостояния тенденции неизбежного социального склероза как следствия длительных периодов стабильного развития общества с усиливающимися группами узких специальных интересов? Можно предложить следующую объясняющую гипотезу: эффективное экономическое развитие в долгосрочном периоде возможно в том случае, если в обществе формируются механизмы, периодически разрушающие или обновляющие структуру групп специальных интересов, эволюци-

⁴⁴ Примером могут служить экономики скандинавских стран.

⁴⁵ Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies; Олсон М. Возвышение и упадок народов...; Olson M. Jr. Distinguished Lecture on Economics in Government: Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations are Rich, and Others Poor // Journal of Economic Perspectives. Spring, 1996. V. 10. № 2. P. 3–24.

онно сложившуюся в обществе. Процесс обновления групп интересов должен снижать степень асинхронности изменений. С другой стороны, стабильные и долго существующие группы (преимущественно с узкими интересами) своими действиями будут способствовать увеличению асинхронности, которая может привести к системному кризису и разрушению институтов.

Эволюция групп специальных интересов во многом определила направления и качество модернизационных процессов. Феномен Запада во многом определен формированием автономных и конкурирующих групп интересов. Глобализация формирует не только новые механизмы и каналы коммуникаций, но также изменяет качество институтов, которые, в свою очередь, задают правила и ограничения для основных экономических акторов.

Современные тенденции развития экономики и общества не являются как совершенно новыми, так и необратимыми. Часто необратимость глобализации и экономического прогресса обосновывается фактами развития технологий⁴⁶. Однако данный тезис не является очевидным с учетом огромного количества исторических примеров, когда технологические и институциональные инновации проходили процесс деволуции.

Дискуссия о роли групп специальных в эволюции институтов не может вестись в отрыве от вопроса выделения и идентификации конкретных групп и определения степени их влияния. Возникает потребность как в историческом описании процесса формирования и функционирования таких групп, так и измерения и статистическом представлении параметров различных групп интересов. Социологи и политологи накопили немало данных, которые могут быть использованы экономистами. Однако все еще трудно найти данные, позволяющие определить или иллюстрировать значимые зависимости между действиями групп и формированием институтов. Здесь мы сталкиваемся с трудностями получения релевантных данных. Возможно, здесь существуют не только технические, но больше препятствия, связанные с методологическими проблемами. Классификация групп интересов зависит от существующей в обществе традиции лоббирования и ее институционализации. В случае переходных экономик задача четкой классификации групп интересов усложняется вследствие подвижности

институциональных ограничений.

Согласно концепции бутылочного горлышка в эволюции институтов группы специальных интересов являются той единицей, которая проходит отбор⁴⁷. Если группы интересов разрушаются или трансформируются, что уже некому в том или ином обществе поддерживать выполнение того или иного правила или осуществлять санкции за его невыполнение. Однако группы интересов, как уже было сказано выше, трудно четко определить, тем более по отношению к отдельным институтам. Поэтому при проведении конкретного исследования мы должны сопоставлять выгоды и издержки от действий по идентификации конкретных групп и сбора и оценки количественных данных.

Если мы исследуем эволюцию института, который занимает определенное место в системе хозяйственных связей, нам необходимо выделить группу, которая заинтересована или извлекает выгоду от существующего положения дел. С течением времени группы будут менять свой состав. Но персональный состав не будет иметь решающего значения, если институт будет поддерживаться группой в новом составе. Иными словами, эволюция институтов и групп интересов рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Однако выработка новых правил, соглашений и институтов требует значительно большей сплоченности групп, а также может быть связано с более высокими издержками коллективных действий, чем поддержание функционирования институтов.

Между зданиями традиционного и нового институционализмов не должно быть непроницаемых стен. Важно также понимать, что исследования эволюции институтов должно способствовать снижению монополизации рынка научных идей. Поэтому данная статья является попыткой исследования институциональных изменений с позиций конвергенции институциональных подходов в экономической теории. Феномен асинхронности изменений акцентирует внимание на том, что «выращивание» эффективных институтов должно соотноситься с формированием соответствующих механизмов регулирования и коллективными действиями групп интересов.

Статья поступила в редакцию 15.05.2008

⁴⁶ Гринин Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации // Политические исследования 2008. – № 1. – С. 125.

⁴⁷ Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. – Т. 2. – № 2.

